

Кинофестиваль

Аиана
Полухина

Ирина
ГУЛЯЯ
Теннадий
ШПАЛИКОВ

Лиана Полухина

Инна Гулая. Геннадий Шпаликов

«Алисторус»

2007

УДК 82-94
ББК 85.374

Полухина Л. С.

Инна Гулая. Геннадий Шпаликов / Л. С. Полухина —
«Алисторус», 2007

Знаменитый сценарист культового фильма «Я шагаю по Москве», картин «Мне двадцать лет», «Я родом из детства», даровитый поэт, чьи песни распевала страна, – Геннадий Шпаликов. И загадочная, не похожая ни на кого киноактриса Инна Гулая – героиня фильмов «Тучи над Борском» и «Когда деревья были большими», с первого взгляда поразившая зрителей. Их судьбы соединила большая любовь. Но совместная жизнь, принесшая дни счастья, страданий и мучений, закончилась трагически. Книга Лианы Полухиной, биографа многих кинопар – Аллы Ларионовой и Николая Рыбникова, Марины Ладыниной и Ивана Пырьева, Любви Орловой и Григория Александрова – в память о звездных, талантливых людях, оставивших свой след в отечественном искусстве.

УДК 82-94

ББК 85.374

© Полухина Л. С., 2007

© Алисторус, 2007

Содержание

Союз любви с трагической развязкой	6
Родом из детства	7
Всесоюзный государственный институт кинематографии	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лиана Полухина
Инна Гулая. Геннадий Шпаликов

© Полухина Л. С., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Союз любви с трагической развязкой

Вместо предисловия

... В кругу вгиковских друзей был обычай – писать друг другу коллективные послания не только «по поводу», а просто так, по настроению.

«Сегодня вечером, – писалось в одном из них, – мы пришли к Шпаликову. Тра-ля-ля... Он был трезвый и серьезный, а мы – пьяные и глупые. Не сердись на нас, пожалуйста, Гена. Мы очень любим тебя и твой сценарий, и режиссера Хуциева, и его творчество, и «новую волну», и все такое интересное и необычайно талантливое, как все молодые кинематографисты, которые есть теперь, хотя они и очень любят пить водку, да и не только водку, но все равно они хорошие, а самый хороший среди них, и самый умный, и самый юный, и новый, и талантливый, и полосатый, в полосатой рубашечке, и такой красивый и любимый всеми девушками города Москвы. Да и не только Москвы – других городов тоже. Будь здоров, Гена!»

Его любили не только девушки. Он был центром своей студенческой компании. Дружить с ним было интересно, дружбой с ним гордились.

«Я познакомился со Шпаликовым очень забавно, – вспоминает кинорежиссер Юлий Файт. – Первого января мне позвонили, сказали: «Нам нужно с тобой поговорить по делу». Надо было только перейти через Гоголевский бульвар, чтобы к ним попасть, в квартиру Финна. В этой компании были сценаристы Финн, Рязанцева, Шпаликов; операторы Княжевский, Ильенко – и не было режиссера, ни одного... Вернулся я через неделю. И с тех пор мы не расставались практически несколько лет. Мы тогда целый день веселились, гуляли, потом мы ложились спать, а Шпаликов ухитрялся за ночь написать страниц десять нового сценария».

Наталья Рязанцева стала женой Шпаликова еще в институте. Всем нравилась эта пара: оба талантливы, красивы. Но союз их просуществовал недолго. Рязанцева ушла, поняв, что тяга к выпивке превращается у Геннадия в болезнь, с которой она бороться не умела. Он-то работал, а она при таком образе жизни заниматься творчеством не могла.

Некоторое время спустя Шпаликов встретил Инну Гулая, в свои двадцать лет уже прославленную актрису. Помимо прочего, она была необычайно красива – в ее красоте отмечали многие что-то колдовское. Вспыхнула любовь.

Они поженились – самый молодой знаменитый сценарист и восходящая кинозвезда. И были счастливы, и мучили друг друга.

Инна снималась, но уже реже: она ждала ребенка. Геннадий много работал, но удача покинула его. Хроническое безденежье не способствовало миру в семье. Да и вообще трудно найти человека, менее приспособленного к семейной жизни: творить, «делать себя» – эгоистическая вещь. Быть может, Шпаликов не требовал этого, но получилось так, что Инна Гулая принесла в жертву ему, их любви, свою артистическую карьеру, свои небывалый талант.

Конец их жизни был трагичен, но оба они оставили свой след в отечественном искусстве и продолжают жить в сердцах тех, кто их знал, кто ценил их творчество и просто любил.

Пусть эта книга послужит памяти Геннадия Шпаликова и Инны Гулая.

Родом из детства

В автобиографии при поступлении во Всесоюзный государственный институт кинематографии Шпаликов писал:

«Я, Шпаликов Геннадий Федорович, родился в сентябре 1937 года в г. Сегеже Карело-Финской ССР, где мой отец, Шпаликов Федор Григорьевич, строил Сегежский бумажно-целлюлозный комбинат. Он был военный инженер.

В 1939 году после окончания строительства мы вернулись в Москву.

В 1941 г., как только началась война, нас вместе с академией им. Куйбышева, где служил и работал отец, эвакуировали в г. Фрунзе. Жили мы, вернее, в деревне Аларга – это недалеко от города.

Зимой 1945 года вернулись в Москву. 28 января 1944 г. в Польше погиб мой отец, инженер-майор Шпаликов.

В 1945 году я поступил в школу, а в 1947 году военкоматом Ленинградского района г. Москвы был направлен в Киевское суворовское военное училище, как сын погибшего офицера.

В Киевском суворовском военном училище я находился с 1947 по 1955 г. В училище был членом комсомольского бюро взвода, редактировал газету. В июле 1955 г. окончил Киевское суворовское военное училище и был направлен в Московское Краснознаменное училище им. Верховного Совета РСФСР.

В октябре 1955 года приказом начальника училища был назначен на должность командира отделения с присвоением звания мл. сержанта.

В январе 1956 г. на батальонных учениях я повредил колено правой ноги и до марта 1956 г. лежал в Хлебниковском военном госпитале.

7 марта 1956 г. Окружной медицинской комиссией был признан негодным для дальнейшего обучения в военном училище, а несколько дней спустя приказом начальника училища по состоянию здоровья я был уволен из армии. Сейчас живу в городе Москве, по ул. Горького, д. 43, кв. 110, с матерью.

С 1952 года – член ВЛКСМ.

Г. Шпаликов

26.06.56 г. Москва».

Любое художественное произведение, это общеизвестно, в той или иной мере отражает личность автора, пережитое им. В этом смысле фильм по сценарию Шпаликова «Я родом из детства» режиссера Виктора Турова можно назвать автобиографическим. Грустная и светлая картина доносит до нас, сегодняшних, страдания, радости, надежды не только ее героев-мальчишек Игоря и Женьки, но целого поколения, чье детство пришлось на войну.

Это тоска о детстве, горьком, трудном, и все-таки детстве, той поре жизни, когда человеку открывается что-то новое, неизведанное – и в собственной душе, и в окружающем мире.

«...Эта пауза была огромна и полна всех самых лучших слов, которые они так и не сказали друг другу. Они стояли рядом в эти минуты, два самых близких на земле человека, и молчали, и поезд все никак не уходил» – так описано у Шпаликова расставание Игоря и Женьки.

Он оставляет своих героев на пороге отрочества. «Им не обещали легкой жизни, – читаем мы в сценарии, – но в будущем она оказалась еще сложнее, чем это можно было предполагать, и никто не знает, какие испытания и какие победы предстоят им впереди».

В своих сценариях, прозе, стихах Шпаликов редко возвращается к суровой военной поре, но война останется и пребудет в нем до конца его дней. Прошлое не забывалось, притягивало его, не отпускало...

Кинорежиссер Юлий Файт, друг Шпаликова со вгиковских времен, вспоминает:

«В конце теплого летнего дня Гена позвонил мне и позвал в Покровское-Стрешнево, где они жили после войны. Он давно там не был.

На окраине Москвы стоял десяток трех-четырёхэтажных домов, построенных просто, без затей. Небольшие палисадники под окнами, врытые в землю столы, предназначенные для игры в домино. Мы присели за такой столик, Гена достал четвертинку.

Почему-то вокруг никого не было – ни души, стояла странная тишина. Только далекий, смутный шум большого города да журчание маленького самолета над Тушинским аэродромом.

А в Тушине – лето как лето, —
И можно смотреть без билета,
Как прыгают парашютисты —
Воздушных парадов артисты.

Мы и смотрели. Молча.

И вдруг женский голос отчетливо и ясно позвал: «Гена!» Мы заоглядывались. Никого – ни вокруг, ни в окнах. Посидели, помолчали. И опять: «Гена!» Голос звучал будто сверху и был какой-то... славный, другого слова не подберу.

Неловко улыбаясь, мы поднялись и... уехали».

Прошное окликало его...

Может быть, под впечатлением таких вот поездок Шпаликов написал одно из лучших своих стихотворений. Кинорежиссер Сергей Соловьев назвал его гениальным:

По несчастью или к счастью,
Истина проста:
Никогда не возвращайся
В прежние места.

Даже если пепелище
Выглядит вполне,
Не найти того, что ищем,
Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.

А не то рвану по следу —
Кто меня вернет? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.

В сорок пятом угадаю,
Там, где – боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

Это стихотворение использовано режиссером Николаем Губенко в фильме «Подранки». Мнится мне, что написал его такой же подранок, как и герои этого фильма. И у них, и у Шпаликова в детстве была война. У многих погибли отцы...

«Путешествие в обратном я бы запретил...» Решусь нарушить этот запрет и вернуться к началу путешествия Шпаликова в будущее, чтобы лучше понять Шпаликова-человека, проникнуть к истокам его творчества.

Писать Шпаликов стал еще в суворовском училище. В стихах того периода, откровенно ученических, ощущается явное влияние Владимира Маяковского.

Откуда у неба столько воды,
Тут помутнеешь в рассудке.
Дождь,
наливая
с краями пруды,
Хлещет вторые сутки.
Кто там, на небе,
давай разберись,
Пожалуйста, не авральте.
Нам же не сеять китайский рис
На заливном асфальте.

Это строки из стихотворения «Обвинение дождю». В духе Маяковского и названия стихотворений: «Грустное», «Надоело!» и т. п.

Ну что ж! Как сказал другой поэт, начнем, пожалуй, с подражания. Показательно, что начал Шпаликов с подражания, допустим, не Блоку или Есенину. Его умонастроению был близок Маяковский – энергия стиха поэта-трибуна, оптимистическое восприятие мира. Стихотворение «Жизнь» подтверждает это:

На каждый дается день
Нам солнца
и неба
высь,
Лучи сквозь себя —
продень
И к жизни сильней привяжись.

А перед этими, патетическими строками, – более земные:

Я эту люблю
жизнь,
Дни люблю пить,
Буду сухарь грызть
И все равно —
любить.
Даже без рук
и ног
И с пустотой впереди
Я б добровольцем
не смог

В небытие уйти.

Под стихотворением дата: 1954 год. Запомним...

Немного спустя Шпаликов напишет в дневнике (его он вел всю жизнь, начиная с училища): «Ровно 25 лет назад застрелился Владимир Владимирович Маяковский. Все мое лучшее – к нему. Покойный не любил признаний, ненавидел всяческие юбилеи... Так пройти по жизни – вот моя мечта».

В 1955 году одно из стихотворений Шпаликова появляется в печати. На это поистине знаменательное событие он откликается стихотворением:

Не смотри на будущее хмуро,
Горестно качая головой...
Я сегодня стал литературой
Самой средней, очень рядовой.

Пусть моя строка другой заслонится,
Но благодарю судьбу свою
Я за право творческой бессонницы
И за счастье рядовых в строю.

Период подражания Маяковскому закончился – поэтом-трибуном Шпаликов не стал. Он пошел своим собственным путем, а поэзия нашла к нему дорогу сама:

По белому снегу
я палкой вожу,
стихи – они с неба,
я – перевожу.

В его поэзии не ощущалось и отголоска влияния Маяковского. И вообще он не ставил своей целью заниматься поэзией, как, впрочем, и кино, – он просто очень хотел писать. «Конечно, я родился писателем – по призванию, по влечению», – напишет он незадолго до своей смерти. А тогда, двадцатилетний, уволенный из армии по причине серьезной травмы, он выбирал институт, который дал бы ему возможность осуществить свою мечту.

Поиски привели его во ВГИК. Ему очень здесь понравилось – вся эта атмосфера, девушки с актерского факультета... Он понял, что это то место, где он хотел бы быть.

«Замечательно и знаменательно было появление во ВГИКе Геннадия Шпаликова, – пишет в своей книге «Территория кино» Армен Медведев. – Он пришел, когда мы учились на втором курсе. Его не хотели зачислять, хотя он прекрасно сдал все экзамены. Ректор Александр Николаевич Грошев выразил сомнение, сказав примерно так: «Ну, мальчик пришел из суворовского училища, у него нет никакого опыта, никаких представлений о жизни, он ведь очень скоро выдохнется». Я тому свидетель, как Кира Константиновна Парамонова, профессор ВГИКа, бегала в кабинет ректора, где заседала приемная комиссия, и отстаивала Геннадия. Если бы те, кто решал тогда судьбу абитуриентов-кинодраматургов, почитали дневники суворовца Гены Шпаликова, которые были опубликованы много лет спустя в журнале «Искусство кино», я убежден, они бы ахнули, уж точно не приняли его в институт, однако в незнании жизни обвинить не посмели бы...»

Он нес свой мир, странный, причудливый, красивый. Во ВГИКе первым его публичным самопроявлением была пьеса «Гражданин Фиолетовой республики»... Эта вещь была сделана,

мне кажется, не без влияния Шварца, в ней были стихи, были куплеты о герое и среди них – афоризм, который вышел за стены ВГИКа: «Эlegantный, как рояль».

...Шел 1956 год, год XX съезда партии, на котором был развенчан культ личности Сталина. Было закрытое письмо по этому поводу, которое зачитывали на закрытых партийных собраниях... Были венгерские события, вызвавшие студенческие волнения... Два года просуществовала некоторая вольница. Затем наступило время закручивания гаек.

Всесоюзный государственный институт кинематографии

«Надо представить себе ВГИК того времени, – рассказывает сценарист Павел Финн, – ареопаг выдающихся талантов. Практически весь кинематограф, который стал отечественной классикой. Кинематограф 60-х годов и последующих лет – это был ВГИК того времени.

По коридорам института в виде мальчишек и девчонок ходили, можно сказать, гиганты советского кино. И вот среди всего этого звездного неба одной из самых ярких звезд был Шпаликов. Хотя почему? Ничего особенного он тогда не сделал, был просто студентом. Но уже пользовался необычайной любовью всех и авторитетом. Уже Тарковский к нему приглядывался. Они собирались вместе делать фильм со странным названием «С февралем в голове», но потом эта идея отпала».

В мир кино Шпаликов вошел легко и свободно. В институте он чувствовал себя в своей среде. Суворовское училище он так и не полюбил. «Долой ваши порядки, приказики и приказы», «Снова и снова в поле зрения стены напротив скучно-белые, как все до омерзения надоело», «Серых дней лента», – рубит он сплеча в стихотворении «Надоело». Армейская служба тоже не пришлась ему по душе. Его вольнолюбивой натуре претили любые рамки и ограничения.

Наконец он обрел свое истинное призвание. С мальчишеской гордостью он пишет об этом:

Я жил как жил,
Спешил, смешил,
Я даже в армии служил.
И тем нисколько не горжусь,
Что в лейтенанты не гожусь.
Не получился лейтенант,
Не вышел. Я – не получился,
Но говорят во мне талант
Иного качества открылся:
Я сочиняю – я пишу.

Наталья Рязанцева, в то время студентка сценарного факультета, вспоминает:

«Шпаликов был невероятно обаятельный, такой модный студент, он уже писал, его уже все знали, и когда Марлен Хуциев позвал его делать вместе фильм, он, видимо, решил, что Гена как раз и есть тот самый герой, которого он замыслил.

Шпаликов носил бархатную толстовку с бабочкой. Он был младше меня курсом, хотя по возрасту старше меня. Я мало кого знала с его курса, а его знала. Шпаликов был такой звездой ВГИКа. Он всех заинтересовал, он как-то умел со всеми ладить. Щелкал каблуками (суворовец!), ухаживал за всеми артистками – у нас было много красивых актрис. Он ходил их развлекал с котом. У него такая малица была, он засунет кота за пазуху и ходит в гости».

Одной из первых работ Шпаликова на факультете был небольшой сценарий под названием «Человек умер» о самом ВГИКе. Сценарий вызвал неоднозначную реакцию, ибо центром сюжета служила собственная смерть сценариста. Что это? Шутка, розыгрыш, игра с чертом или предчувствие, провидение?

С высоты сегодняшних знаний о том, что случилось 1 ноября 1974 года, читать это страшно.

Начинался сценарий с доски объявлений, где среди других было извещение в траурной рамке, на листке, вырванном из тетради:

«Деканат сценарного факультета с грустью сообщает, что на днях добровольно ушел из жизни ШПАЛИКОВ ГЕННАДИЙ. Его тело лежит в Большом просмотровом зале. Вход строго по студенческим билетам. Доступ в 6 час., вынос тела – в 7.

После выноса будет просмотр нового художественного фильма!!!»

Возле доски объявлений – несколько человек. Они что-то жуют. Голоса совсем спокойные.

– Как это его угораздило?

– Говорят, повесился.

– Повесился?

– Ага, в уборной.

– Некинематографично. Лучше бы с моста или под поезд. Представляешь, какие ракурсы?!

Дальше, после небольшого препирательства с некой Колодяжной (все фамилии подлинные), уверенной, что все собрались возле зала ради кинопросмотра, за проведение которого отвечала она («Почему закрыт зал?» – «Понимаете, человек умер...» – «Это – его дело, а у меня расписание»... И т. д. и т. п.), идет легкий треп, иного слова не подберу, этакое упражнение в остроумии на тему самоубийств.

«Что нам смерть – раз, два и повесился. На то мы и писатели». «Я знаю одно: сам я не вешался и ничего определенного сказать не могу». «Кому как, а мне это нравится. Я бы сам сделал что-нибудь похожее – времени не хватает. Завален этюдами». «Я так считаю: самоубийство – это плагиат. Ничего оригинального. Меня эта смерть не обогатила»...

И еще много чего «смешного». Обхохочешься...

Но с какой целью это написано? И к какому жанру можно отнести «Человек умер»? К комедии?

«Самоубийца» Н. Эрдмана – это острая социальная сатира, пьеса несет глубокую мысль. А здесь? Ну, повеселились у гроба товарища, как на хорошем просмотре, скинулись на поминки...

Повторю вслед за одним из персонажей: меня эта смерть не обогатила. Я лишь поняла, что Шпаликов не такой уж добрый и что ради красного словца он, как говорится, не пожалеет ни мать, ни отца, ни сотоварищей своих.

Скажите – пародия, гротеск, «капустник». Но есть все-таки темы, к которым, верующий ты или нет, надо относиться с пиететом, с осторожностью, чтобы не оскорбить чувств других, не накликать беду. Использовать в качестве эпатажа, а к нему был склонен Шпаликов, извещение о собственной смерти, не значит ли притянуть трагедию?

Только молодостью, бесстрашием перед жизнью, перед будущим можно как-то объяснить этот «сценарный ход».

Шпаликов, вообще как ребенок, не чувствовал края, не знал разницы между прямолинейностью и прямоотой. При всей аудитории, к примеру, мог бросить в лицо кинорежиссеру Григорию Александрову, профессору ВГИКа, по поводу его фильма «Русский сувенир»: «Ребята, сегодня вот нам показали – и хорошо показали, лучше нельзя, – какое кино нам делать не надо. Никогда!»

Мнение тогда еще не состоявшегося, но уже почитаемого сценариста было справедливым: «Русский сувенир» был явной неудачей мастера. И все же, все же, все же...

Думаю, не только меня заденет размашистость шпаликовского стихотворения «Утро»:

Не верю ни в бога, ни в черта,

Ни в благо, ни в сатану,
А верю я безотчетно
В нелепую эту страну.

Она; чем нелепей, тем ближе,
Она – то ли совесть, то ль бред,
Но вижу, я вижу, я вижу
Как будто бы автопортрет.

Возможно, стихотворение это и отражает в какой-то мере самоощущение поэта. Но вряд ли составителям книги «Геннадий Шпаликов», изданной в Екатеринбурге («У-Фактория», 1999), стоило помещать его на первой странице в качестве эпиграфа: оно не отражает дух творчества Шпаликова, сложность и противоречивость его личности.

«Не верю ни в бога, ни в черта» – скорее всего фигура речи. Бог был в его сердце, открытом людям, состраданию, радости жизни, земной красоте.

И Россия не такая уж нелепая, и Шпаликов – тоже.

С чудесной и яркой улыбкой, на всех он производил хорошее впечатление.

«Шпаликов был особенно сияющ, – говорила о нем Белла Ахмадулина. – Солнце отражалось в его глазах, и вообще он был здраво и радостно настроен, и можно было про этого молодого человека сказать: он несомненно рожден для радости, для успеха».

А от Петра Тодоровского при первом знакомстве с начинающим сценаристом тот вмиг получил прозвище – Генацваликов.

Он был всегда окружен друзьями. Ядро компании составляли, помимо самого Шпаликова, сценаристы Финн, Рязанцева, операторы Княжевский, Ильенко, режиссеры Файт, Митта. Иногда к компании присоединялись Николай Губенко, Никита Михалков, Белла Ахмадулина, Андрей Тарковский...

Жили веселой студенческой жизнью. Гуляли, бездельничали, бывало, днями не расставались. А когда ложились спать, Шпаликов ухитрялся за ночь написать страниц десять нового сценария. Сценарий «Причал», к примеру, был написан на глазах друзей за несколько ночей. Стихи и песни он сочинял буквально на ходу.

Павел Финн рассказывал в одной из телепередач:

«Шестидесятые годы, их начало, представляют собой особое время, какой-то такой остров во времени: это еще недалеко от войны, это и постоянная радость от того, что можно чувствовать себя свободным. Такая большая московская компания людей, живущих в искусстве. Об этом никогда не говорили, что мы живем в искусстве, это просто было бы стыдно сказать так, потому что пафос не позволялся. Но мы жили с общим ощущением открытого шампанского... Не все шестидесятые годы, а те годы конца ВГИКа – начала какой-то иной жизни. До сих пор я ощущаю какой-то идущий от них свет.

Мы были как будто бы беспечны, но в этой беспечности было очень много серьезного. За фасадом этой беспечности шла работа, которая и делала из нас тех, кем мы стали или кем мы не стали. И самым, безусловно, ярким лучом в нашей жизни тогда, конечно, был Гена, хотя мы об этом не думали. Мы это чувствовали, мы это знали, да он и сам это чувствовал, сам это знал.

Гена был такой Моцарт среди нас, и, к счастью, то, что он Моцарт, было прекрасно, а еще прекраснее, что среди нас не было Сальери. Он был абсолютно уверен в своем предназначении, в своей власти над этой жизнью, в своей неординарности».

В 1958 году на сценарном факультете, на курсе, где училась Наташа Рязанцева, случилось серьезное ЧП.

У студентов курса сложилась традиция: по окончании очередной сессии устраивать курсовую вечеринку. Гвоздем каждой встречи был магнитофонный «капустник». На пленку запи-

сывались эпиграммы на однокурсников, шуточные песенки, пародии, сценки из студенческой жизни. Будущие сценаристы просто дурачились.

В тот раз дело не заладилось. Кто-то вовремя что-то не написал, не было эпиграмм...

«Мы собрались и стали импровизировать на ходу пародию на историко-революционную тему, – рассказывает Наталия Рязанцева. – Я даже текст помню: «Еще не успел смолкнуть залп «Авроры», а у колонн Таврического дворца...» и так далее. Изображали Сталина. Была сцена с Лениным, который принимал академика, крестьянина, татарина, – ну, как в этих пьесах было. Все это записывалось на магнитофон. А потом кто-то сказал: «Ну, ребята, вы дров наломали!» Решили все стереть и стерли».

А на следующий день в институт поступил сигнал из КГБ и одновременно из ЦК комсомола об антисоветской акции в стенах ВГИКа. Началось страшное. Студента, игравшего Ленина, вызвали на Лубянку. Он вернулся совершенно белый. Все стали гадать, откуда там стало известно о вечеринке, кто донес, ведь записи не было. Пошла ужасная полоса собраний, заседаний комитета комсомола, парткома. Поначалу участников «акции» осудили, наиболее активным вынесли по строгому выговору. Но в ЦК комсомола решение не утвердили – только исключение!

И ребят исключили. Тем временем выяснилось, кто «стукнул». И было решено отомстить таким образом, чтобы и доносчицу тоже выгнали из комсомола. «Это было такое действие толпы, – рассказывает Рязанцева. – И вот в этом действе, я заметила, Гена Шпаликов, Володя Китайский, с которым они вместе потом работали, и еще третий, к ним примкнувший, не стали голосовать, как все. Защитить ее уже было невозможно от исключения, но все равно три человека (вот интересно: я и сама сомневалась, но проголосовала, как все), не обращая внимания на зал, подняли руку «против».

С Геней мы как-то познакомились ближе, а потом встретились на переписи населения. Я переписывала население то ли в гостинице «Восток», то ли «Алтай». Потом приехал Гена, и мы повеселились, конечно, над этими анкетами... Вообще все, что связано со Шпаликовым, весь этот роман, после наших тяжелых историй был такой веселый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.